

Поэт одесского порта

Я верю в весну. Верю, что когда-нибудь мы все — понимающие друг друга и глубоко чувствующие — соберемся вместе, и жить будет веселее.

Лазарь Кармен

Бытописатель одесского дна, защитник босяков, беспризорников, проституток. Лазарь Кармен. При звуках этого имени представляется высокий, смуглый, уверенный в себе брюнет. В действительности Лазарь Моисеевич Корнеман (1876-1920) был совершенно иным.

Василий Львов-Рогачевский вспоминал: "Когда я встретил в редакции газеты этого горячего и преданного друга обездоленных, <...> я не верил своим глазам: передо мною стоял хрупкий и кроткий человек с серо-голубыми глазами романтика, с нежно-девическим лицом и светло-золотистыми кудрями... Он был воплощением простоты, искренности и нежности". Таким же описывал его и Корней Чуковский: "Кудрявый, голубоглазый, румяный, сентиментальный, восторженный, он бросается меня обнимать <...> Я разделяю его энтузиазм вполне. Он близко связан с рабочими одесских предместий. В порту у него много друзей среди "босяков" и грузчиков".

"Сын служащего торговой фирмы и сам мальчик-приказчик, он полюбил литературу и весь отдался ей. "Я был в порту, — говорил мне Кармен, когда провожали уезжавшего из Одессы на Сахалин фельетониста Дорошевича. Проводы его произвели на меня такое сильное впечатление, что я решил во что бы то ни стало и самому стать писателем"— из некролога Кармену.

И он стал писателем. Его очерки моментально поднимали тираж газеты на 600 экземпляров — для того времени цифра более чем приличная. Ими зачитывались, их запрещали — две стороны признания.

В Одессе начала двадцатого века имена трех молодых журналистов были на слуху у всех — Жаботинский, Кармен, Чуковский. В "Повести моих дней" Владимир Жаботинский вспоминал об этом времени: "Когда мы входили с ними в кафе, соседи перешептывались друг с другом: может, было бы лучше, если бы мы не слышали, что они шептались, но, поверьте мне, они пели нам дифирамбы, и Кармен подкручивал кончики своих желтых усов, Чуковский проливал свой стакан на землю, ибо его чрезмерная скромность не позволяла ему сохранить спокойствие духа, а я в знак равнодушия выпячивал свою нижнюю губу, хотя и знал, что в этом не было надобности — она и без того была достаточно выпяченной от природы...".

Можно сказать, что слава Кармена была международной: "Дикари" переведены

на немецкий язык и изданы толстой изящной книжкой в Дрездене под названием "Die Wilden". Мне сообщают, что она имеется во всех библиотеках Вены и о ней хорошо отзываются. Перевела "Дикарей" с моего согласия некая Юлия Гольдбаум, переведшая Гаршина и Горького. Удивительно хорошо переведено. Она хочет перевести еще на французский язык. Цена книжки две марки. У меня есть один экземпляр. Хотел бы послать, да не могу пока. Он ходит по рукам. Меня поздравляют" (из письма Л. Кармена к К. Чуковскому).

Очень трогательная история любви описана самим Карменом в письмах к Чуковскому:

"Я в течение долгого времени встречал на Преображенской улице гимназистку-блондинку с удивительно интересным, милым, открытым, улыбающимся лицом, не похожим на пошлые лица многих одесситок. И я постоянно провожал ее взглядом. Я долго потом вспоминал ее образ. И можешь себе представить мое изумление, когда однажды я встретил (4 месяца назад) ее в фойе городского театра, гуляющей с одним знакомым. Я попросил его познакомить меня с нею, и знакомство состоялось. Она пригласила меня домой. Я не замедлил воспользоваться ее приглашением. Я разговорился с нею и убедился, что имею дело с умной, серьезной девушкой, стремящейся к свету, нетронутой натурой, которой не чуждо современное движение в России. Она с блестящими глазами говорила о людях, которые жертвуют собой на пользу идеи, иронически отзывалась о людях, которые очень узки в своих стремлениях, между прочим, выразила удивление по поводу того, что мы — журналисты — в стороне от общего движения, и рассказала, что она в настоящее время занимается с 10 фабричными девушками, после этого я стал встречаться с нею часто, и в одно прекрасное утро я проснулся влюбленным. Понимаешь, я, который в жизни не написал ни одной строчки о влюбленных, который смеялся над романами, где говорилось о любви, который пожимал плечами при виде страданий Вертера на сцене городского театра, был влюблен. Я отбился от работы и все думал о ней. И ты думаешь, я досадовал за свое неожиданное чувство? Напротив, — безмерно радовался. Я чувствовал, что у меня выросли крылья и я облагородился. Тоска, мучившая меня, грызшая как зверь, доводившая до слез, и вечная мысль о самоубийстве покинули меня. И я стал говорить себе — наконец я нашел человека, который будет мне близок, который поймет меня, который согреет меня, позволит положить голову на свои колени и даст мне возможность выплакать все свое горе, накопившееся годами, и все обиды.

Она знала меня давно по фельетонам и относилась ко мне хорошо. Когда я рассказывал подробности из своих наблюдений, она слушала меня постоянно молча. У нее удивительная привычка молчать и мало говорить. Но в то время, когда она молчит, голова ее много работает, и она изредка вставляет две-три фразы.

...Она послала мне из Вержболова карточку-открытку. На открытке изображен юноша, сидящий в кабинете и окруженный книгами. К юноше в белом облаке спускается прекрасная молодая девушка и говорит ему: "иди в долину слез". Я сказал Дине — "идем

вместе туда". Она согласна. А это — жертва с ее стороны, так как она, благодаря своей красоте и хорошим качествам, могла бы пойти в долину роз, а не в долину слез. Кроме слез, я не могу ничего обещать ей. Зато я обещаю ей интересную жизнь. Мы будем гореть, жить страданиями других, жить с пользой, и она должна будет считать себя уже удовлетворенной тем, что спасла меня — одинокого, от тоски и быть может, самоубийства" (Из письма 1903 г.).

В ноябре 1906 года у Лазаря и Дины родился сын Роман (в будущем знаменитый кинооператор).

В 1906 году Кармен переехал в Петербург (как и Чуковский). Но если для Чуковского переезд стал ступенькой к славе литературного критика, то Кармен, с его романтическим стилем, столь любимым одесситами, в северной столице особо не прославился. Да, он много печатался, но не в ведущих журналах, а в таких, как "Пробуждение", "Новое слово", "Журнал для женщин". В 1910 его портрет попал в альбом "Галерея современных писателей". То есть слава как бы есть, но уже не та, что в Одессе.

Впрочем, в родном городе его по-прежнему обожают. Валентин Катаев: "Я тоже, будучи еще гимназистом и разнося свои незрелые стишки по редакциям одесских газет, однажды увидел Кармена. Он уже в то время был известным столичным писателем, приехавшим в свой родной город и зашедшим повидаться со своими бывшими товарищами — хроникерами и репортерами. Вижу мрачную редакционную комнату с огромным столом, за которым обычно наскоро писали на узких полосках бумаги свои материалы человек десять низшей газетной братии... Комната была наполнена табачным дымом, запах которого смешивался с тем особым запахом керосина, типографской краски, светильного газа и еще чего-то, свойственного лишь газетным помещениям. Кармен был окружен кольцом своих бывших коллег, взиравших на него как на некоего небожителя, — с чувством любви, восторга и гордости, с легким оттенком печальной зависти. Шутка ли? Столичный писатель, звезда! А ведь был таким же, как они...".

В 1918 году Кармен с семьей вернулся в Одессу — у него начался туберкулез груди (по другим сведениям, обнаружилась опухоль в груди). Гражданская война, смена властей чуть ли не каждые три месяца.

Кармен поддерживал большевиков — печатался в тогда газете "Красная звезда". В 1919 в Одессе вышла его последняя прижизненная книга "Под красной звездой" — сборник рассказов о первых днях советской власти.

Поддержка большевиков у многих знакомых одобрения не вызывала. "...С Карменом я теперь не кланяюсь и не буду кланяться", — записал в дневнике И.А. Бунин. Роман Кармен вспоминал: "Власть в городе перешла к Советам. Отец ликовал. Как большевистский пропагандист выступал с лекциями, работал в политуправлении 51-й дивизии, активно печатался в советских газетах. Однажды на улице встретил Бунина. Они с отцом были хорошо знакомы, а тот демонстративно отвернулся, не подал руки".

В одной из газет 1919 г. в заметке "Прогулка детей пролетариата" рассказывалось, как дети красноармейцев и рабочих "под руководством писателя т. Кармена пошли к морю... и т. Кармен давал им объяснения о значении одесского порта". Любовь Кармена к порту оставалась неизменной.

Кармен был арестован деникинской контрразведкой.

Умер Кармен в апреле 1920 г., уже после установления в Одессе советской власти.

Весной 1923 года журнал "Огонек" публикует очерк "Поэт низов. К годовщине смерти Л.О. Кармена" (в сентябре того же года в "Огоньке" дебютирует как фотограф сын Кармена Роман):

"Книги и люди имеют свою судьбу, говорит пословица. Дело, конечно, не в "судьбе", а в сплетении неудачных условий, так что иные книги и иные поэты, яркие и красочные, проходят в человеческой сутолоке незаметными и не оставляют по себе следа.

Широкая публика едва ли помнит писателя Л.О. Кармена, умершего три года тому назад в одесской санатории в расцвете творческих сил. А между тем это была крупная колоритная писательская фигура, о которой в свое время Н.К. Михайловский писал в "Русском богатстве", что в лице Кармена русская литература приобретет крупного писателя, второго Горького.

Первая книга рассказов Кармена "На дне Одессы" вызвала целый ряд восторженных отзывов в газетах. О нем писал гремевший в то время писатель Амфитеатров, Дорошевич посвятил ему ряд фельетонов в "Одесских новостях", в которых знаменитый фельетонист тогда работал.

Кармен был поэтом дна, поэтом порта. Перекати-поле, он странствовал, зачастую с котомкой за плечами, зарисовывая сочным пером то волжских бурлаков, с которыми вместе странствовал, то матросов и корабельную шпану, в среду которых он записался в качестве коচেгаара с целью совершить дальнеокеанское плавание, то знойные, восточные типы Босфора, Палестины, Египта, куда его забросила его бродяжническая судьба, то холодных финнов, среди которых он бродил.

Он вечно искал, вечно жаждал новых впечатлений и новых красок, цепким глазом схватывал мимолетные сценки и в своих полных юмора и сочности рассказах, повестях и фельетонах давал отображение живой бродячей низовой жизни.

Но судьба... Кармена задавила нужда, вечная забота о куске хлеба для семьи. Кармена душили преследования царской полиции, высылка из Петербурга за еврейское происхождение, печальное скитание по финским городкам, неудачно сложившаяся личная жизнь.

Во время революции Кармена забросило в Одессу, Его потянуло к революционному порту, к матросам, к типам, которые составляли сюжет его ранних произведений. Но здесь "судьба" окончательно надламывает Кармена. Большой туберкулезом, он отдает свои последние силы пролетарской печати, помещая ряд очерков и рассказов в одесской большевистской прессе. Приходят белые, и умирающего Кармена прямо из санатория замуровывают в тюрьму.

Вторичный приход красных принес освобождение Кармену, но он получил свободу, для того чтобы умереть. Почти в агонии он вышел из белого застенка. Поэт умер тогда, когда наступала пора развернуть всю мощь свою для пролетарского творчества.

В истории пролетарской литературы Л.О. Кармен займет далеко не последнее место, потому что он был в рядах первых бытописателей пролетарских низов".

Но наверное, все же лучше и точнее сказал о себе сам писатель еще в 1903 г: "Я прошел через страшное горнило нужды, горя, прошел через тысячу соблазнов, соприкасался со всякой грязью, но пронес сосуд с чистой водою и не расплескал ни капли. Это чистая вода — душа, любовь ко всем падшим, униженным, оскорбленным".

Алена ЯВОРСКАЯ

Лазарь КАРМЕН

Осень в порту

"Дикарь" пригорюнился.

Канун зимы, осень. Поздняя, дождливая.

Низко-низко нависли над портом облака и туманы.

Они ползут, окутывая серым флером всю набережную, вросшие в бухты суда, баржи, маяк, брекватер, каждый тюк, каждую громаду угля, черепицы и клепок, и все рисуется в неопределенных чертах, в дымке.

С моря подул ветер.

Злой, буйный, он рыщет, забираясь в трюмы к угольщикам, полежальщикам, смольным, забираясь на "газовую", где, скорчившись, жарят у трубки свою ветошь два-три тряпичника, в пакагузы и в "обжорку".

Он рыщет, отрывая слабо привязанные к набережной шлюпки, опрокидывая тюки и ящики.

— Осень, осень! — гудит, напевает ветер.

Мрачно глядит "дикарь" на темный горизонт над рейдом, на темную зыбь моря, на падающие с неба дождевые капли. И текут по его щекам слезы.

Бедный! Он плачет по теплу, по солнцу.

Скоро зачестят дожди. Море — его кормильца — вздует.

А там недалеко — зима. Занесут снега пристань, загудят метели, и покроется море сплошной льдиной.

Порт отрежет от всего мира.